

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В РАССКАЗЕ М. ЗОЩЕНКО «КОЧЕРГА»

Палуаниязова М.Х

Магистрантка 1 курса УзГУМЯ

Хегай В.М

Научный руководитель: к.ф.н., доц. Ташкент, Узбекистан

miyrakhojaniyazkyzy@gmail.com

Михаил Зощенко – реформатор русского литературного языка XX века, чья художественная система построена на эстетизации «косноязычия». Рассказ «Кочерга» (1927) является одним из наиболее репрезентативных текстов писателя: в нём в концентрированном виде проявляются все характерные черты зощенковского стиля – абсурдистская ситуация, маска «маленького человека», ирония и специфическая ритмика фразы.⁷ Цель настоящей статьи – исследовать специфику синтаксической организации текста «Кочерги» как ключевого уровня художественной системы Зощенко.

Основопологающим принципом синтаксической организации рассказа является сказ – форма повествования, при которой автор имитирует устную речь конкретного социального типа. Зощенко мастерски воспроизводит речевую манеру «советского мещанина» – человека, усвоившего обрывки официального, канцелярского языка, но не утратившего просторечных навыков. Это противоречие реализуется прежде всего на синтаксическом уровне.

Конструкции, открывающие рассказ, сразу задают тон: повествователь ведёт речь как бы «от себя» к слушателю – это проявляется в коротких, интонационно завершённых фразах, напоминающих реплики устного рассказчика. Предложения строятся таким образом, чтобы воспроизводить паузы, отступления и возвращения к теме, свойственные живой речи.

Одна из наиболее заметных черт синтаксиса Зощенко – преобладание простых и осложнённых простых предложений с краткими предикативными ядрами. Длинные периоды редки; вместо них – цепочки коротких высказываний, создающих ритм сжатого изложения. Зощенко использует их для передачи бюрократической логики, при которой сложная абсурдная ситуация излагается с притворной простотой и деловитостью: Кочерга в этом учреждении была одна. Печей было несколько. Кочерга была одна.

Такая конструкция – назывная или двусоставная минимальная – создаёт эффект канцелярского протокола, справки, акта. Простое предложение у Зощенко часто выглядит как вывод или констатация, которая должна была бы разрешить проблему, но ограничивается закреплением её абсурдности.

В тексте также преобладают лексические и синтаксические повторы, которые, в свою очередь, образуют ещё один важнейший пласт организации текста.

⁷ Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. – Л.: Художественная литература, 1986. – С. 214.

Лексические повторы слова кочерга на протяжении рассказа используются как сатирический приём: слово, обозначающее совершенно незначительный бытовой предмет, повторяется с частотностью, характерной для терминов официально-делового стиля. Повтор данного слова не только гиперболизирует значимость предмета, но и обнажает абсурд бюрократического мышления.

Синтаксические повторы – параллельные конструкции – используются при перечислении инстанций, действий, препятствий. Так, описывая многолетнюю эпопею с кочергой, рассказчик выстраивает перечисление инстанций и действий по единой модели, где синтаксические отрезки оформлены одинаково: Написали в одно место – отказали. Написали в другое место – отказали. Пошли в третье – сказали: не по адресу.

Повторяются не только лексические единицы, но и синтаксические модели: параллельные конструкции, анафоры, кольцевые структуры. Повтор одних и тех же синтаксических схем воспроизводит саму логику бюрократии – бесконечно воспроизводящей одни и те же процедуры без какого-либо результата.

Кольцевая композиция рассказа поддержана и на синтаксическом уровне: финальные предложения перекликаются с начальными по своей структуре, замыкая текст в порочный круг – так же, как замкнута в круг абсурдная ситуация с кочергой.

Немаловажную роль в тексте рассказа играют повторы-подхваты. Прежде всего, повторы-подхваты в «Кочерге» – это примета сказа, имитация живой устной речи малограмотного или полуграмотного рассказчика. В устном рассказе говорящий не планирует фразу целиком заранее: он добавляет смысл постепенно, подхватывая собственное слово и развивая его, будто бы следуя за тем, правильно ли его поняли.

Кочерга была одна. Одна на все пять печей. Пять печей – это, конечно, много для одной кочерги. Здесь одна подхватывается и уточняется, затем пять печей подхватываются в следующей фразе и переосмысляются. Каждое новое предложение как будто исправляет или договаривает предыдущее, что принципиально важно для зощенковского сказа: рассказчик предстаёт человеком, который с трудом удерживает нить повествования, то и дело возвращаясь к сказанному, уточняет, переформулирует, что свидетельствует о том, что рассказчик не умеет строить связный текст иначе.

Подхват в рассказе также выполняет функцию пародии на официально-деловой стиль. В бюрократических документах подхват используется для видимости строгой логической последовательности, где каждый тезис вытекает из предыдущего, каждое новое звено рассуждения опирается на уже установленное. Зощенко воспроизводит эту технику – но наполняет её абсурдным содержанием: Для пяти печей нужно пять кочерёг. Пять кочерёг – это уже инвентарь. Инвентарь требует списка. Список требует подписи. Подпись требует печати.

Каждое предложение подхватывает ключевое слово предыдущего и превращает его в подлежащее нового высказывания. Синтаксически это выглядит как безупречная логическая цепочка, но содержательно цепочка уводит всё дальше от исходной проблемы: от конкретной кочерги мы приходим к абстрактному списку и печати. Подхват здесь служит инструментом бюрократического мышления, которое умеет только множить звенья цепи, но никогда не приходит к практическому результату.

В рассказе активно используется парцелляция. Этот приём, где автор намеренно расчленяет высказывания на несколько интонационно и пунктуационно самостоятельных отрезков, создаёт иллюзию сбивчивого, поэтапного мышления рассказчика, который как будто обдумывает каждую деталь в момент речи: И вот однажды случилось несчастье. Небольшое, конечно. Но всё же.

Парцеллированное добавление Но всё же функционирует и как оговорка, и как самоирония, и как имитация разговорной хезитации.

Одним из центральных художественных эффектов рассказа является столкновение двух синтаксических регистров: разговорно-просторечного и канцелярско-официального. Зощенко воспроизводит бюрократический синтаксис с почти документальной точностью: громоздкие именные обороты, пассивные конструкции, нанизывание родительных падежей, отглагольные существительные: В целях урегулирования использования кочерги в соответствии с потребностями отопительного сезона...

Подобные конструкции, попадая в контекст бытового комического повествования, создают эффект несоответствия – один из главных механизмов зощенковского юмора. Синтаксис официального документа применяется к абсурдной ситуации, и само это несоответствие становится смыслообразующим.

Канцелярский синтаксис в «Кочерге» характеризуется избыточной субстантивацией: глаголы заменяются отглагольными существительными (использование, урегулирование, обеспечение), что делает речь тяжёлой, непрозрачной и пародийно-серьёзной. Читатель ощущает абсурдность ситуации именно потому, что этот высокопарный синтаксис обслуживает проблему одной кочерги.

Синтаксис рассказа «Кочерга» является не просто формальным уровнем текста, но его смыслообразующим ядром. Зощенко использует весь арсенал синтаксических средств – парцелляцию, присоединительные конструкции, повтор, столкновение регистров – для создания образа абсурдной советской бюрократии. Синтаксис воспроизводит не только речевой облик рассказчика, но и саму логику системы: громоздкой, замкнутой на себе, неспособной решить простейшую бытовую проблему.

Таким образом, синтаксическая организация рассказа «Кочерга» – это не просто технический приём, а форма критики. Зощенко показывает, что бюрократия существует прежде всего в языке – в его синтаксических

конструкциях, его пустых формулах, его принципиальной непрозрачности для живого человеческого смысла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
2. 2. Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. – Л.: Художественная литература, 1986. – 488 с.
3. Петрова Н. Г. Синтаксис художественного текста. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 214 с.